

Содержание

Предисловие	5
Предисловие переводчика	9
Часть первая ФРАНЦИЯ	13
Часть вторая БОЖИЙ ДОМ	21
Часть третья. КРЫЛО ЗОКА	354
Часть четвертая. КРЫЛО ЗОКА	354

Предисловие

От врачей мы ожидаем невероятно много. Нуждаясь в них, мы поклоняемся им; нам представляется, что их опыт и знания, а также то, что они полностью посвятили себя избранному пути, позволяет им избавиться от неопределенности, неуверенности и отвращения, неизбежных для нас, окажись мы на их месте, увидев то, что видят они. Кровь, рвота, гной не вызывают в них отвращения; старческое слабоумие и деменция не вызывают в них ужаса; им не страшно погрузиться в склизкий клубок внутренностей или же заниматься инфекциями и инфицированными. Плоть и болезни для них — абстракция, описанная в бесстрастных схемах лечения, ведущих к безошибочному диагнозу и выздоровлению. «Клиника “Божий дом”» — книга, которая избавит вас от этих иллюзий. Для медицинского мира она стала тем же, чем для армейской действительности — «Уловка-22», изобразившая этот мир в виде фарса, нагромождения ошибок и нелепостей, путешествия к туманной цели под руководством бесчестных и не вызывающих энтузиазма начальников. В каком-то смысле «Божий дом» даже скандальней «Уловки-22», ведь армия всегда привлекала (а иногда и призывала в свои ряды силой) критиков и высмеивателей, в то время как практикующие медики в художественной литературе представлены в основном людьми добропорядочными, иногда героическими, в худшем случае — фанатичными материалистами и экспериментаторами, как полный энтузиазма знахарь Гофрат Беренс из «Волшебной горы» Томаса Манна.

Нельзя сказать, что интерны, резиденты и медсестры, представленные Сэмюэлем Шэмом, не вызывают сочувствия; все они все приносят в безумный мир госпитальной медицины остатки своей преданности медицине, а самый циничный из них — Толстяк — отличается опытом и способностью добиваться желаемого результата. Наш герой, Рой Баш, отсылает своей жизнелюбивой наивностью и — невзирая на ипохондричность его сумбурной исповеди — крепким здоровьем к Кандиду Вольтера. В клаустрофобии больничного сумасшедшего дома окнами в окружающий мир, излучающий солнечный свет здоровья, для него становятся секс, ностальгия и баскетбол. Секс является наиболее очевидным выходом, и в оргиях с Энджел и Молли приобретает поистине порнографическую четкость. Мимолетный взгляд — и нижнее белье Молли становится в одном из спонтанных, разрастающихся, построенных на потоке образов абзацев, нередко встречающихся в книге, парусом, наполненным дыханием жизни:

«... в то мгновенье, когда она, сев, закидывала ногу на ногу, перед моими глазами вспыхивал этот фантастический вожденный треугольник светлых волос, над которым, как парус под мягким и светлым ветром, трепетало французское белье. И хотя с медицинской точки зрения я знал о тайных женских органах все и мне приходилось осматривать и ощупывать их у больных, но здесь все было совсем другое, здоровое и прекрасное, молодое и свежее, мягкое и светловолосое, влажное, пушистое, резко пахнущее, манящее, недоступное, воображаемое...»

В мире, где преобладают болезненные ощущения, вспышки похоти провоцируют даже такие далекие от

этого мира вещи, как письма отца Баша с их лишенными логики речевыми оборотами. Секс между врачом-мужчиной и медсестрой становится для них обоим взаимным утешением, убежищем от окружающих их повсюду болезней и смерти, от всего трагичного, отвратительного, безнадежного, что может быть в человеческом теле. Это разнополюсный вариант товарищества, сходного с тем, что появляется у усталых и потерянных интернов, которые «разделяли друг с другом что-то огромное, великое и убийственное».

Героические ноты звучат намного реже насмешливых, но все-таки слышны и они, возможно, намного ценнее для тысяч интернов, взявших на вооружение отчетливо педагогичный и дидактичный роман Шэма: тринадцать законов от Толстяка; доктрина бессмертия гомеров и минималистский подход к лечению; использующиеся в больницах практики СПИХИВАНИЯ пациентов и ПОЛИРОВКИ историй болезни, СТЕНЫ и РЕШЕТА; психоанализ неуравновешенных докторов вроде Потса и Джо; множество медицинских ситуаций с объяснениями, как надо и не надо действовать. Я с трудом представляю себе ситуацию, в которой интерн не найдет для себя в этой Библии медицинских реалий ничего полезного. Несмотря на прямолинейность вокабуляра, «Божий дом» празднично сияет тем, что, по мнению Генри Джеймса, является сутью каждого романа — «дыханием жизни». Он наполнен жизнью. В своем первом романе Шэм не боится обжечься об английский язык.

«Отбойные молотки крыла Зока расшатывали мои слуховые косточки двенадцать часов подряд».

«Расстегнутая до ключиц блузка, идеальная грудь, и вся она — от выкрашенных алым губ и ногтей, от голубых

век и длиннющих черных ресниц до золотой искорки крестика католической школы медсестер — вся она сияла как радуга внутри водопада».

«Было ужасно осознавать, что человек нашего возраста, только что игравший с шестилетним сынишкой летним вечером, стал овощем, и хирурги уже готовятся вскрывать его наполненную кровью голову».

Это роман воспитания тридцатилетнего Роя Баша. Его путешествие в долину смерти и правды о человеческой плоти заканчивается возвращением к разумной и чувствительной Берри. Ричард Никсон — наиболее противоречивый и представляющий огромный интерес как минимум для писателей президент XX века — и вздымающийся над ним Уотергейтский скандал — помешают действие романа в 1973–1974 годы. Эту книгу невозможно представить написанной сейчас. Как минимум не в таком бескомпромиссном виде: свободное использование многочисленных этнических карикатур в эпоху активного употребления таких терминов, как «расист», «сексист» и «эйджист», было бы невозможно. В 70-х годах не было безопасней: среди многочисленных заболеваний, ярко и подробно описанных в книге, не фигурирует СПИД; в арсенале хирургов с тех пор появился целый ряд операций по трансплантации различных органов. Тем не менее книга актуальна как никогда, поскольку американская система здравоохранения движется к кризису: она слишком дорого обходится, она устала, обременена ужасной репутацией, а гротескные истории фатальных ошибок и ужасных решений, о которых мы читаем в средствах массовой информации, превосходят то, что способна породить даже самая изобретательная писательская фантазия.

Приближаясь ко второму миллиону проданных экземпляров, «Божий дом» продолжает шокировать студентов-медиков узнаваемостью тех мучений, которые испытывают они, идя по пути Гиппократата, — и в то же время дарит им утешение и развлечение.

Джон Андайк, апрель 1995

Предисловие переводчика

Начинать предисловие с предупреждения читателя о том, что с этим романом надо обращаться осторожно, — наверное, не совсем обычный ход. Но сделать это я считаю своим переводческим и врачебным долгом. Великий американский писатель Джон Апдайк в своем предисловии к этой книге, написанном в 2003 году, отметил, что «Божий дом» не мог бы появиться в наши дни. Сложно сказать, прав ли он. Роман впервые был издан в 1978 году, неоднократно переиздавался и остается на полках книжных магазинов вот уже больше сорока лет. Апдайк писал, что в современном мире книгу обвинят в сексизме, расизме и эйджизме. И действительно, во многих отзывах о романе можно встретить многочисленные «-измы». Эти критические отзывы небезосновательны: за сорок с лишним лет, прошедших с момента написания этой книги, мир сильно изменился, и Америка второго десятилетия XXI века очень сильно отличается от Америки времен Уотергейтского скандала и войны во Вьетнаме.

Читателя стоит предупредить не только о вопиющей по нынешним меркам неполицорректности, но и о том, что книгу нельзя воспринимать как производственную драму в стиле Артура Хейли. Врачебный мир здесь совсем не такой, как в «Клинике: анатомии жизни» Хейли или в «Коллегах» Василия Аксенова. И главный герой, тридцатилетний интерн Рой Баш, не испытывает особого пиетета перед подаренной отцом-дантистом книгой «Как я спас мир, не запачкав халата».

«Клиника “Божий дом”» — гротескная, местами трагическая, местами убийственно смешная, переполненная благоприобретенным врачебным цинизмом сатира в стиле «Уловки-22» Джозефа Хеллера. Здесь действуют яркие, нелепые, зачастую очень неприятные персонажи, которые не менее ярко выглядели бы и на страницах «Уловки-22», а зашкаливающая абсурдность больничной жизни порой превосходит абсурдность армейской. В отличие от романа Хеллера, который был достаточно тепло принят в относительно мирном 1961 году, и лишь существенно позже, во времена войны во Вьетнаме (к большому неудовольствию автора) стал восприниматься как антивоенный манифест, роман Шэма скандалы преследовали с самого начала. Книга, в которой описывались современники — легко узнаваемые, имевшие немалый вес в медицинской среде Бостона персонажи, — немедленно вызвала возмущение. Многие врачи отказывали ей в праве на существование, а тысячи студентов, прочитав «Божий дом», к неудовольствию деканов звали Стивена Бергмана (таково настоящее имя Сэмюэля Шэма) на встречи в кампусе.

Что же такое американская интернатура? И почему книга, описывающая превращение студента Лучшего медицинского института (практически не завуалированный медицинский факультет Гарварда) в интерна Божьего дома (еще менее завуалированная больница «Бет Израиль» в Бостоне, университетская клиника, входящая в гарвардскую систему), остается актуальной до сих пор? Дело в том, что этот невероятно резкий переход от учебы в старых университетских аудиториях, от радости познания к работе интерна, к изматывающим, обезчеловечивающим часам в отделениях, наполненных мерцающими лампами дневного света и запахом продуктов человеческой жизнедеятельности, замаскированных антисептиками, по-прежнему остается очень травмирующим. И эта книга не только подарила медицинскому миру

ряд идиом, использующихся по сей день, но и сделала возможным разговор о насущных проблемах послевузовского медицинского образования. Проблемы эти никуда не делись и в наши дни, хотя некоторые проведенные с того времени реформы и сделали жизнь начинающих докторов чуть менее тяжелой. Путь молодого врача — это не только риск медицинских ошибок (что ставит под угрозу здоровье и жизнь пациентов и едва начавшуюся карьеру врача), но и намного более высокая, чем у представителей других специальностей, вероятность возникновения семейных неурядиц, депрессии, алкоголизма, наркомании и даже суицида.

Книга написана от лица Роя Баша, тридцатилетнего оксфордского стипендиата и выпускника Лучшего медицинского института, проходящего интернатуру в Божьем доме. На первых страницах мы видим героя летом следующего за интернатурой года. Рой пытается наслаждаться жизнью в Провансе вместе со своей невестой Берри, но видно, что пережитое им не дает ему покоя. У него типичное посттравматическое расстройство, свойственное людям, пережившим тяжелые события и ощущающим свою беспомощность на их фоне. И не случайно Рой сравнивает интернатуру с войной. Он вспоминает, как они вместе с резидентом — Толстяком, усталые и потные, склонялись над пациентом, словно герои Иводзимы. Психологическое состояние Роя в этот момент ужасно, он говорит о суициде, и, по его словам, можно понять, что он больше не видит в пациентах людей, нуждающихся в помощи. Они — враги, поставившие его на колени. Он не может победить — и готов сдаться, но боится, что этим доставит им удовольствие. И даже в раю Прованса Рой продолжает видеть гомеров. Гомер — получившая распространение аббревиатура, используемая для обозначения хронических пациентов: Get Out of My Emergency Room (прочь из моего приемного покоя). Она дала название

юмористическому блогу, она используется во множестве медицинских фильмов и сериалов. Рой больше не видит вокруг себя стариков, он видит гомеров и не может избавиться от мыслей о них. Пролог заканчивается фантазией Роя, макабрической сценой группового секса у койки пациента из другой, приводящей героя в не меньшее отчаяние, категории больных: «умирающие молодые». Фантазия заканчивается смертью и оргазмом, а Рой возвращается на год назад, к своему первому дню в Божьем доме.

Я приехал в Америку в конце 2003 года с медицинским дипломом, сдал подтверждающие его экзамены и в 2006 году начал резидентуру. До этого я никогда не работал врачом. В 2006 году реформы, о которых начали говорить давно (и не в последнюю очередь — благодаря книге Сэмюэля Шэма), уже начали давать плоды. Интернам разрешалось работать не более восьмидесяти часов в неделю, а тридцатичасовые дежурства сократили до тридцатичасовых. Но даже несмотря на эти нововведения, первый год работы в качестве врача — опыт, который редко вспоминают с радостью или ностальгией. Постоянная усталость, недосып, ощущение беспомощности при осознании катастрофической нехватки знаний и навыков — все это приводит в отчаяние, а пациенты теряют индивидуальные черты, превращаясь в источник бесконечного потока жалоб и диагнозов.

Несомненно, в «Божьем доме» очень много гротеска, а все эти «-измы», упомянутые выше, порой заставляют современного читателя ежиться от дискомфорта. Но несмотря на это, когда друзья просят рассказать о моем опыте американской резидентуры, я отсылаю их к этой книге, а не к привычным медицинским романам, где герои-врачи спасают жизни, не запачкав халата.

Часть первая

ФРАНЦИЯ

Жизнь — как пенис.
Если расслаблен — не кончишь;
если напряжен — тебя поимеют.
Толстяк, врач-резидент Божьего дома

Если не считать солнцезащитных очков, Берри абсолютно нага. И даже сейчас, во Франции, когда я еще не отошел от интернатуры, ее тело кажется мне совершенным. Я люблю ее груди; мне нравится, как они меняют форму, когда Берри ложится на живот или на спину, когда она встает или идет. И танцует. Ох, как они хороши, когда Берри танцует. Связки Купера, залог упругости молочных желез, у нее безупречны. А ее лобок, лобковый симфиз, кость, лежащая в основе поросшего темными волосками холма Венеры? Капельки пота сияют под солнцем, и загорелое тело Берри выглядит еще эротичнее. Но мой взгляд — взгляд врача, и после года, проведенного среди изъеденных болезнями тел, все, на что я способен, — это тихо сидеть, смотреть и запоминать. Ощущать этот мягкий, жаркий, наполненный ностальгией день. Безветренно. До такой степени, что огонек от спички поднимается строго вверх; он почти невидим в раскаленном воздухе. Зеленая трава, белые стены арендованного нами фермерского домика, красная черепичная крыша на фоне синего августовского неба... Слишком совершенно для этого мира. Но думать не надо.

Время для этого придет позже. Сейчас не важен результат, важен только процесс. Берри учит меня любить, как я любил когда-то раньше, до начала этого года, превратившего меня в ходячий труп.

Я пытаюсь расслабиться, но не могу. Мои мысли уносятся обратно в больницу, в Божий дом, и я вспоминаю о том, как интерны занимались сексом. Без любви, среди гомеров¹, умирающих стариков и умирающих молодых, мы накидывались на женщин Дома как животные. И трепетных учениц медицинских школ, и суровых старших сестер из отделения неотложной помощи, и даже потасканных, что-то чирикающих на ломаном языке мексиканских уборщиц — мы пользовали их всех. Я думаю о Коротышке, перешедшем от двухмерного секса с картинками из порножурналов к щекочущим позвонки приключениям с ненасытной медсестрой Энджел — Энджел, которая без своей фирменной жестикуляции не могла сказать и пары слов. И я знаю, что секс в Божьем доме был нездоров и печален, циничен и нездоров. И происходил без любви: все мы уже перестали слышать ее шепот.

— Рой, вернись! Не уплывай туда.

Берри. Мы заканчиваем обед, мы почти добрались до сердцевин артишоков. Здесь, на юге Франции, артишоки вырастают до невероятных размеров. Я очистил их и сварил, а Берри приготовила соус. Еда здесь бесподобна. Мы часто обедаем в залитом солнцем саду ресторана, под навесом ветвей. Белоснежная крахмальная скатерть, сияющий хрусталь, свежие розы в серебряной вазе. Слишком совершенно для этого мира. В углу притаился наш официант

¹ Homer, аббревиатура от Get Out of My ER (Пойди прочь из моего приемного покоя) — вошедшее в обиход прозвище пациентов с деменцией из домов престарелых.